

НИКАМАРШ ДОМ НАИЗНАНКУ

Традиции, быт, суеверия
и тайны русского дома

о трезвых
крестьянах,
работающих
дворянах
и щедрых
купцах

История России. Взгляд в прошлое

Ника Марш

**Дом наизнанку. Традиции, быт,
суеверия и тайны русского дома**

«ЭКСМО»

2023

УДК 392(470)
ББК 63.5(2)

Марш Н.

Дом наизнанку. Традиции, быт, суеверия и тайны русского дома
/ Н. Марш — «Эксмо», 2023 — (История России. Взгляд в
прошлое)

ISBN 978-5-04-191959-7

Эта книга посвящена русскому дому – такому, каким он был на протяжении веков. Вы узнаете, как он менялся, какие традиции появлялись и уходили в прошлое, какие суеверия и правила соблюдали наши предки. Удивительный и многогранный русский дом – избы, палаты, хоромы и дворцы – приоткроет перед внимательным читателем свои двери и расскажет тайны трех сословий, которые в нем жили. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 392(470)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-04-191959-7

© Марш Н., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть I. Крестьянский дом	8
Глава 1. Дом и всё в нём	8
Глава 2. Что нам стоит дом построить?	16
Глава 3. Кто есть кто в русском доме	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ника Марш
Дом наизнанку. Традиции, быт,
суеверия и тайны русского дома

© Ника Марш, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Пролог

Тепло в натопленной горнице. Потрескивают дрова, мурлычет ласковая кошка. Мать склонилась над колыбелью, поправляет одеяльце новорожденного. И тихонько шепчет молитву: пусть растет маленький крепким и сильным, пусть станет опорой и надеждой семьи, пусть прославит свой род и твердо встанет на земле. И оставит потомков, которые когда-то войдут в эту горницу и низко ему поклонятся: спасибо, батюшка, за все, что ты для нас сделал!

Русскому дому больше тысячи лет. Бревенчатый, с соломенной крышей, с гирляндой затейливой резьбы на окнах, он вырастал среди дикого леса и бескрайних просторов степей. Подле петляющих рек, возле прозрачных озер. Он горел и воскресал заново. Его уничтожали монголы, разоряли поляки, его двери сносили с петель французы, а потом приходили немцы... Но он все равно выстоял. Русский дом – это мы с вами. Наш несломленный дух, наши традиции, наша вера, наша любовь и наши семьи.

Эта книга о доме, который веками строили наши предки. Об их чаяниях и об их надеждах. О том, как они проводили длинные зимние вечера и как уставали в летнюю страду. Мне хотелось создать разноцветное полотно нашей жизни, вплести в него все, что мы знаем и о чем только догадываемся. А сколько за стенами этого дома скрыто тайн, не доступных постороннему глазу!

Наш дом многолик и многогранен. Одному простому окошку придуманы с десятки названий! А сколько разнообразнейших традиций существует в нашей стране! Как по-разному смотрели люди на одно и то же событие, какими удивительными особенностями отличались торжества, церемонии, даже обычные бытовые посиделки в разных уголках огромной России! Узор на сарафане у девиц из соседних губерний и то был разный! Что уж говорить о взглядах на жизнь...

Русский дом долгое время был простым, крестьянским, вросшим в землю. А потом возносился на деревянных столбах ввысь. Одевался камнем, опоясывался широким крыльцом, словно кушаком. Обзаводился острыми башенками, рос вширь, в глубину, спускался под землю.

Дом городской – это уже совсем другое дело, а городская усадьба – считай, целый маленький мир!

Русский дом вырастал до дворцов. Иногда причудливых, иногда странных. Он перенял итальянские новинки, обзавелся французскими замашками и разукрасился в яркие цвета, будто кокетливая парижанка. Ему придавали английский лоск и немецкую строгость, шик рококо и сдержанную роскошь ампира. А коли замыслил его постройку разбогатевший купчина, жди сюрпризов. Тут можно увидеть и взрывной коктейль из стилей, и дотошное подражание зодчим XVI века. Русский купеческий дом удивлял московского обывателя, приводил в восторг бежецких горожан и заставлял восхищаться тобольских гостей.

И все-таки он сохранил очень многое из того, что уходит своими корнями в средневековую эпоху. Даже наш современный русский дом несет в себе отголоски той старой Руси, о которой мы читаем в былинах. Он сохранился в наших обычаях. В Масленной неделе и празднике Ивана Купалы, в березовом веничке, который мы несем с собой в баню, и в пасхальной кутье. Мы читаем русские сказки нашим детям, мы едем помянуть предков в Родительскую субботу и несем домой веточки вербы в Вербное воскресенье. Русский дом – в нас.

Да, мы найдем уже мало свидетелей старины. Не забудем: русский дом – исконный – из дерева. А у древесины свой срок жизни... Но мы видим его на картинах, он остался в произведениях наших писателей, в песнях и в нашем быте. Это и есть связь времен и поколений.

Это и есть лучшее подтверждение тому, что русский дом – он все еще жив. Ему больше тысячи лет, и я расскажу вам о нем почти все, что знаю сама.

Часть I. Крестьянский дом

Глава 1. Дом и всё в нем

Плакал малыш, захлебывался слезами. Не находя себе места, молодая мать и качала его, и растирала животик, а потом снова и снова давала грудь. Но ребенок только расходился еще пуще.

– Положила б ты его на порог, Ульянка, – негромко молвила свекровь.

Угольные брови взметнулись ко лбу. Как она могла забыть! Ведь и матушка ее так же делала, когда младшие братья заходились плачем... Подхватив первенца, Ульянка бросилась к порогу. Аккуратно разложила его же сшитое одеяльце, а на него – малыша в рубашечке. Поддерживая его головку, любовно глядя в заплаканные глазки, крестьянка... успокоилась. На душе стало легко-легко, ведь знала Ульянка – верное средство! И ребенок точно настроился на волну матери – перестал плакать.

Порог в русском доме – что граница в государстве. Переступил за него – оказался в чужом мире, часто враждебном. Потому-то, приводя молодых жен в свои дома, мужа сначала требовали, чтобы те становились обеими ногами на порог. Врастали в него, рождались с семьей и новым домом. Отныне все, что внутри, – ими будет оберегаемо, хранимо. И так же будет хранить их самих. А за пределами – бог весть.

Оттого столько поверий и традиций, связанных с порогом! Руки через порог не передавать. Да и вообще ничего не передавать! Коли отдал что-либо через порог, так расставался со своей удачей. Уж если возникла надобность, сначала надо войти в дом, а потом уже что-то передать.

Есть и еще одна версия, из глубины веков пришедшая, – что в языческое время умерших сначала сжигали, а потом их прах хоронили под порогом. Потому-то к своим родным, на пороге оказавшимся, умершие благосклонны и даже способны помочь (как в случае с новорожденным сыном Ульянки, у которого болел животик), а все прочие должны через порог осторожно перейти. «Не стой на пороге!» – кричали хозяйки гостям, если те замешкались. Ведь в этом случае потревожен будет сон предков, и еще непонятно, как они на это отреагируют. И мы, нынешние, не задумываясь о сакральном смысле этих слов, тоже говорим вошедшим: «На пороге не стой, да в ногах и правды нет».

В русских поверьях – многое из древности. Есть вещи, которые мы и сами толком не понимаем, но исправно повторяем: стараемся не рассыпать соль, трижды плюем через левое плечо, чтобы не сглазить, да и по дереву при этом пристукнем. Нитку, приставшую к платью, незамужние девушки наматывают на палец, повторяя про себя алфавит – так, глядишь, и определится, на какую букву будет имя суженого. Наш новый современный мир остается тесно связанным с миром наших предков. И хотя наш быт бесконечно далек от быта XIX или тем более XV века, слова, традиции, суеверия, сказки, легенды, поверья – все это остается с нами. И мы передаем это нашим детям.

В русском Средневековье через порог нового дома первым надлежало переступить древнему старику – чем он старше, тем лучше.

Это мог быть и член семьи, и просто сосед с длинной бородой. Главное, чтобы был он почтенным и уважаемым среди общины. Считалось, что дом простоит столько же, сколько лет этому старику. А повезет – так еще больше! Старухи для такой цели не приглашались, для них была готова другая роль.

А коли надо было выйти из дома, то перед этим требовалось произнести краткую молитву, ведь «Без бога – ни до порога». Так издревле мешалось языческое и православное в традициях нашего народа.

Еще одна сакральная часть русского дома – окно. Глаза в другой мир, источник света, примета жилища только настоящего человека.

Не случайно у сказочной Бабы-яги избушка на курьих ножках, в которой нет ни окон, ни дверей. Баба-яга – представитель потустороннего мира, волшебного. У нее ведь и костяная нога, и в ступе она летать умеет. А еще врачевать, превращать мертвого человека в живого! В некоторых сказках она – главная злодейка, способная украсть мальчика с помощью гусей-лебедей, чтобы им же отобедать. А в других – помощница, готовая подсобить и подарить волшебного коня. Вот и жилище ей под стать! Дом зачарованный, но не человеческий.

А у живых, настоящих людей в избе всегда будет окно. Сколько – зависело от множества факторов. От того, где выстроен дом (на севере или на юге), где он стоит и кому принадлежит. От трех и более окон имелось в русском доме, чтобы проникал свет, чтобы помогал человеку трудиться и радовал его глаз, чтобы будил с первыми лучами солнца, призывал к работе. Ведь жизнь рядового крестьянина – это почти постоянная работа. Летом – чаще в поле. Зимой – работа домашняя, или подготовительная (починить колесо, перебрать инструменты).

Окно не для праздности, не для постороннего глаза. Никому в средневековой деревне не пришло бы в голову постучать в окно – дурной поступок! Ведь считалось, что в окно стучит покойник, если готов еще кого-то из семьи забрать. Это еще одна граница между мирами, только на этот раз между миром живых и миром мертвых, поэтому существовало несколько поверий, связанных с окнами: влетит птица в окно – к смерти кого-то из рода. Дятел ткнется носом в наличник – быть беде.

Если умирал кто-то из родных, в окно ставили чашку с водой, рядом прикладывали или вешали полотенце. Все для усопшего, который уже покинул родных, но еще сорок дней обретается на земле. Иногда в Масленицу первый блин клали на окно – тоже для почивших родственников. И младенца, скончавшегося некрещеным, выносили в гробике через окно, а не через порог.

Не принято было переговариваться через окно. На нем всегда – шторы. От чужого глаза, от самих себя, чтобы не забыться и не перемолвиться парой слов в окошко. Были поверья во многих деревнях, что именно речи через окно самые важные и судьбоносные. А зачем искушать судьбу? В то же время милостыня, поданная через окно, приветствовалась особо – считалось, что именно такая угодна Богу больше всего.

Ангел, оберегающий семью, тоже, по мнению домочадцев, находился под окном. Вот поэтому и не было принято ничего выбрасывать в окно или тем более выливать помои. Вся грязь выносилась через порог. Кроме одной – семейных тайн и проступков. «Сора из избы не выноси», – говорили наши предки, подразумевая не мусор, а именно свои собственные секреты. Все, что в доме случилось, внутри дома и оставалось.

Поругается Ульянка с мужем, получит нагоняй от свекрови – уйдет поплакать в сени. Но перед соседками и подругами станет только гордо улыбаться. Незачем знать им, что на Ульянкиной душе творится! Это девки меж собой женихов обсуждают да посмеиваются. Молодуха¹ живет общим домом с семьей супруга. Ей и болтать-то времени нет. Жизнь русской женщины Средневековья была жизнью домашней, наполненной хлопотами и повседневной суетой. Прежде всего женщине надлежало быть доброй.

¹ Молодухами или молодницами называли молодых замужних женщин.

Добрая жена – та, что работяща, не скажет лишнего слова, будет подчиняться мужу и его родителям. Богобоязненная, тихая, смиренная. Древнерусский книжник Даниил Заточник² еще в XII веке писал об идеальной супруге:

«Хорошая жена – венец мужу своему и беспечалие, а злая жена – горе лютое... Червь дерево точит, а злая жена... дом своего мужа истощает... Злая жена всю жизнь своего мужа погубит».

Путешественник Адам Олеарий оставил нам и такое свидетельство о русском быте: «Если между мужем и женой возникают недовольство и драки... то причиной являются иногда непристойные и бранные слова, с которыми жена обращается к мужу... Иногда жены напиваются и навлекают на себя подозрительность мужа... любезностью к чужим мужьям и парням»³.

Вот и у Даниила Заточника злая жена – это не просто сварливая или жестокая. В представлении средневекового автора она плутовата, вечно старается обмануть супруга, отлынивать от работы, занята только красотой своей и украшением себя. «Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, – уверяет Заточник, – чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена бесится, заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит».

Да и красота женская не так важна, по мнению автора. Отвлекает от будничных дел, вводит в искушение. «Если муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и лстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадкой болеть, и да будет он проклят».

Так что не следует Ульянке задерживаться у колодца, чтобы с подругами поговорить, да не стоит слишком много о своей красе думать. Теперь ее удел – быт и дом, детей растить, а не в окошко смотреть.

Впрочем, окна в избе были разными. Световое делали небольшим, чтобы проветрить и осветить клеть или чулан. Иное дело – косячатое, или красное. Его украшали, обрамляли «косяками» – обтесанными брусками. Оконницу заполняли слюдой или рыбьим пузырем, а позже – стеклом. Чем лучше украшено такое окно – тем благополучнее дом, тем сытнее в нем жизнь. Как в сказке:

«На заре на утренней проснулась в своем тереме царица Елена Прекрасная, выглянула в косячатое окошечко и усмотрела: стоят на зеленом лугу тринадцать белотканых шатров, золотыми цветами вышиты, а впереди всех стоит шалаши из рогож сделан».

(А. Н. Афанасьев «Народные русские сказки»)

Другое название окошка – «красное» – от старого русского слова, обозначающего «красивое». Ведь именно его старались украсить в первую очередь. Волоковые – более узкие, тоже смотровые, иногда их тоже украшали снаружи, а вот изнутри закрывали задвижкой из доски, иногда затягивали кожей.

Если смотровое окно имело оконницу из мелких ячеек, его могли называть репястым. А вообще по всей России имелись разные названия у окон: были и слуховые, и верхние (для выхода дыма), волоковое иногда называли дыхлом, бывало и дымное окно, чтобы выводить печной дым, и окно-верхник.

² Даниил Заточник – точные даты жизни неизвестны, предположительно рубеж XII–XIII веков.

³ Адам Олеарий (1599–1671) – немецкий путешественник, автор «Описания путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию».

Стекло долго не производили на Руси. Археологи нашли свидетельства, что и в X веке имелись местные стеклоvarни, но известно о них крайне мало. А в период ига и бесконечных княжеских распрей не до этого было, ведь многие города в XIII–XIV веках уничтожались почти до основания⁴. Стеклоvarни же возникали именно в городах, где и спрос на них оставался высоким, и платежеспособных граждан находилось в достатке. Так что по большей части возили стекло из-за границы. Потому-то торговый город Новгород стал едва ли не первым, где оно стало распространяться, ну а уж потом и повсеместно. А вот слюдой, расписанной, раскрашенной, сложенной в причудливые узоры, долго украшали даже царские дворцы. Только в 1634 году в Духанине под Москвой мастер из Швеции Юлий Койет построил стеклянный завод, направленный в первую очередь на производство стекла и аптекарской посуды. Тридцатью годами позже появился завод в Измайлове, обеспечивающий царский двор необходимыми стеклянными изделиями. Но и тогда стеклить окна еще было недешево...

Вбежала Ульянка в дом, покрестилась на образа в красном углу. Важнейший элемент жилого дома!

Устраивали его в дальнем углу избы, противоположном от печи. Чаще всего в таком, где с двух сторон прорублены окна – чтобы на красный угол всегда падал свет.

Старались, чтобы входящий в избу сразу оказался напротив иконы и приветствовал крестным знамением сначала святой лик и только потом здоровался с хозяином.

В красном углу всегда был безупречный порядок – чтобы ни пылинки, ни засохших растений. Туда ставили веточки вербы в Вербное воскресенье. Там же оказывались березовые прутья на Троицу. Яблоки на Яблочный Спас тоже могли украшать красный угол. Если требовалось благословить молодых на совместную жизнь, то снимали образа именно оттуда: давали поцеловать икону будущим новобрачным. Смотрела Ульянка на суровое, тонко выписанное лицо Богоматери и вспоминала, как перед этой иконой ее благословляла будущая свекровь...

И кончина людская тоже была связана с красным углом. Покойного, перед тем как отпеть и проводить на кладбище, клали в избе головой к образам. Прощался человек с домом, со всем, что любил и что его окружало, а только потом – к вечному покою.

Если стоял богатый дом, с традициями, из поколения в поколение передававший свои накопления – значит, и в красном углу много икон. В иной семье одна полочка всего, где стоял единственный образок, прислоненный к стенке. Но без него никак! Вот и у А. С. Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» первое, на что обратила внимание вошедшая в незнакомый дом царевна, – так это на иконы.

*Дверь тихонько отворилась
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут.*

⁴ Один из ярких примеров – Рязань. Ныне известный нам город до 1778 года назывался Переяславль-Рязанский, потому что настоящая Рязань была уничтожена Батыем в 1237 году. Получается, что современная Рязань не имеет никакого отношения к тому самому городу, о котором говорится в летописях.

Раз иконы на видном месте – значит, люди добрые. Православные, крещенные. Логика царевны, которую передал нам поэт, в точности соответствует представлениям средневекового человека о добре и зле.

А если в доме случался пожар или еще какое бедствие, первое, что старались вынести из материального, – образа. Собирали нехитрый скарб, но иконы были важнее всего.

А вот голландский путешественник фон Кленк в 1675 году оставил любопытные свидетельства, что в некоторых случаях в красном углу иконы занавешивали – например, в момент близости мужа и жены. Стеснялись перед святыми.

Да и выражение «хоть святых выноси» – тоже о стыдливости. Если кто-то вел себя безобразно, глупо, дерзко, исстари говорили именно так: дескать, до того противен этот человек, что совестно видеть возле него святые лики. Хоть выноси их, чтобы не наблюдали подобного позора.

Какие иконы ставили? Богородицу или Спасителя. Ставили и лики святых, в честь которых были названы домочадцы. Чаше других встречались Сергей Радонежский и Николай Угодник – они на Руси почитались особо. Изображение целителя Пантелеймона могло находиться в доме, где кто-то долго и тяжело болел. Были и приходские иконы, в честь святого, которому посвящался сельский храм.

Украшали угол вышитыми ширинками – платками-полотенцами широкого назначения. И вытирались ими, и как кушак использовали, и головы покрывали. Вешали ширинки красивыми полукружьями, добавляли лент, и получалось нарядно. В красном углу могли стоять цветы, там же зажигались свечи. А рядом обязательно ставили стол, за которым собиралась вся семья обедать, и, прежде чем вкушать яства, непременно молились:

«Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питье молитвами Пречистой Твоея матере и всех святых Твоих, яко благословен во веки веков. Аминь».

Красный угол – самое красивое, самое важное место горницы. А саму горницу строили по-разному: ближе к северу – обязательно на подклети. На таком цокольном этаже, где и подвал мог быть, и поселиться в теплую пору мог кто-то из домочадцев. Чем южнее – тем менее обязательной становилась подклеть. В некоторых губерниях в бедных домах пол и вовсе мог оказаться земляным. Считается, что самые простые первые постройки на Руси в целом были именно такими.

Впрочем, о горнице сказ особый. От местности к местности это слово означало разные части дома. Частенько – самую пышно убранную, самую нарядную комнату. Место, куда приглашали дорогих гостей, где весело проводили застолья.

Просторная горница с печью предназначалась для всех, а вот светелка, например, была частным пространством незамужних девишек.

В одних домах горницу старались устроить повыше (есть мнение, что и слово это произошло от другого – горынь, гора). В других – располагалась на нижнем этаже. Где-то есть упоминания о печи, а где-то – нет. Вспомним Мамина-Сибиряка: «От самого порога сеней вела в горницу белая, как снег, тропинка из домашнего холста».

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...
Красные цветы мои*

*В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.*

(Н. Рубцов, 1965)

Помнит Ульянка наказ свекрови: всегда держать чистыми половики и занавески в горнице. Первым делом проверит мать Арефы, что невестка прибралась в парадной части. А если окажется, что позабыла подмести да пыль вытереть, то браниться начнет долго. Не нужно Ульянке этого, она старается сохранить лад в семье, поэтому побежит она первым делом порядок навести. На золовку расчет небольшой – та и встанет позже, и вообще девка с ленцой. Но ей позволено лениться – она-то еще не хозяйка.

Зимой, когда холодно, бежит Ульянка вытряхивать половики не на улицу, а в сени. Мороз лютый! Тут пока оденешься, обуешься, рукавицы найдешь, уже заледенеешь. А в сенях пусть и не топят, все теплее. Накинет шаль, оглянется быстро – никто не видел? – и ловко-ловко, быстро-быстро встряхнет холстину. Ульянка убирается хорошо, часто, поэтому не так уж там много грязи бывает.

В сенях скидывали верхнюю одежду, оставляли уличную обувь. Сени – укромный уголок между мирами, внешним и внутренним. Там и припасы хранили, которым в тепло нельзя, и инструменты, а летом, когда тепло, там и спать можно было. Заглянут родные на недельку, ахнет хозяйка: где же я вас всех положу? Так и отправит – кого на сеновал, кого в сени. В иных домах сени большие, просторные, с целую комнату. В других – клетушка с полками, где только соленьям и место. Впрочем, для припасов служила и клеть – пространство между сенями и жильем. В самые лютые морозы в сени загоняли скотину, чтобы не померзла. А вот птицу держали в самой избе, у печки.

*Много позже, уже в эпоху Романовых, в сенях богатых домов обитали
девушки-служанки. Этих крепостных так и называли «сенные девки», и были
они на положении подай-принеси.*

Кого посылали весточку к соседям послать, кто подсоблял барышням по утрам одеваться, а кто и в комнатах убирался. Сенным не позволялось самим ходить по остальному дому, да еще и праздно. Если позвали – надо бежать быстро, чтобы не осерчала хозяйка. А так, без надобности, в гостиную не сметь. И хотя жили девки в усадебных домах, совсем на другой манер устроенных, в XVIII веке их все равно так и называли – сенными – еще почти сто лет.

В сенях сердобольная хозяйка могла разрешить переночевать путнику или страннице. Считалось правильным помогать людям, которые шли по миру или на богомолье. Благодаря этой старой традиции благополучно завершила свой подвиг простая девушка Прасковья Луполлова, которую в народе называют Парашей-Сибирячкой. Отца ее в 1798 году отправили на поселение, обвинив в воровстве лошадей. Однако ж отец Параше настаивал на своей невиновности, и отважная девушка решила попытать счастья – добраться до столицы, обратиться к государю, рассказать всю правду и помолиться о заступничестве. 8 сентября 1803 года начала она свой путь из Ишима. Ехала на подводах, плыла на лодке, долго-долго просто шла пешком.

И везде находились люди, готовые помочь. Русский человек щедр к путнику, сердце у него отзывчивое. К кому-то Параша нанималась на работу, кто-то просто давал ей кусок хлеба и воды. Не раз ночевала девушка под открытым небом, но не единожды ей давали приют на ночь в чьих-то сениях.

К слову, Параша достигла своей цели. Добралась до Петербурга, познакомилась с княгиней Татьяной Васильевной Юсуповой (урожденной Энгельгардт, племянницей самого Светлейшего князя Потёмкина-Таврического, что был так люб императрице Екатерине II), и через нее, добрую женщину, была представлена императрицам Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне – матери и супруге Александра I. А поступок девушки так потряс современников, что дело отца Параша было пересмотрено! Луполлову разрешили вернуться из Ишима, а глубоко верующая Параша, исполнившая свой обет, приняла монашеский постриг. И умерла в монастыре.

В сени уходили перемолвиться парой слов, если надо было, чтобы никто не слышал. В сениях сваты обсуждали невесту, к которой приехали. Помнила Ульянка, как приехали вечером посланники от Арефы, как с отцом разговор держали. А потом вернулись в горницу, да поднесла им Ульянкина мать полную чарку меда. И выпили эту чарку до дна... Тогда и решили, что дело свадьбой завершится. Это ведь тоже одна из традиций! Если бы сваты от меда отказались, значит, не понравилась невеста.

К слову, в Илимском краю, далеко от родных мест Ульянки, если сватовство не удавалось – никто не расстраивался. Запрягали заново и ехали к следующему дому. Коли там получали отказ, то отправлялись к третьему, пока не находилась невеста. Иногда женихам приходилось изрядно поколесить по округе, прежде чем удавалось сговориться...

Мерцают огоньки. Лучина – ненадежный источник света. Слабый, да что поделаешь. Умаялись все домочадцы от повседневных забот. Уже и скотина накормлена, и вычищено все, и каша в печи стоит-дозревает, чтобы наутро едоков накормить.

*Ох, печь-матушка – без нее пропали бы! Русская печка – центр дома.
Она и греет, она и кормит, она и постелью служит.*

Сложил печку еще дед Арефы, известный мастер был в деревне. Была как-то Ульянка в Изборске, еще с отцом покойным, и удивили ее глиняные печки, совсем не такие, как у них дома. У них-то, у ладожских, печки-камни, надежные, крепкие. А вот изборские показались девушке смешными, ненастоящими.

Ставили печку так, чтобы по диагонали от красного угла. Подле нее все бабье хозяйство, тут и горшки, и ухваты, всего не перечислишь. Печка-матушка, так ее величали. Вот и новорожденного младенца испокон веков подносили к печке, словно показывали живому существу, и просили от нее тепла да добра. А домочадцы спрашивали: «В лес пойдет малой или у печи останется?» То есть какого пола ребенок. А если родился он слабым, то следовало его «перепечь»: клали на широкую печную лопату да отправляли в теплое нутро три раза. «В утробе не допекся, теперь тут допечется», – говорили в старину. Ульянкин сын был малыш крупный, сильный. А вот старший брат Арефы не дожил и до трех лет. Смахивала свекровь иногда слезинки, вспоминая о нем. Как-никак первенец. Тогда даже печка не помогла...

Весело трещат дрова в печке – значит, к морозу. А если воют, будто песню протяжную поют – быть тогда ветру сильному. В некоторых местностях при растопке строго следили, чтобы использовалось нечетное число дров. Тогда и огонь займется хорошо, и все, что приготовлено, добром обернется. А иные, для привлечения в дом богатства и удачи, при закладке печи обязательно клали в ее основание хлеб или какие другие припасы.

Коли отправлялся молодец на войну, так отколупывал от печки кусочек на память и как оберег. А если взрослые уходили далеко в лес или еще куда по каким делам, а дети оставались

дома одни, то бежали к печке, к заслонке, и просили у нее: «Как заслонка жар в печи бережет, так и Бог пусть меня бережет».

Даже крещеная Русь оставалась верна старым традициям и обрядам. Верили, что дурной глаз способен семье навредить. Особенно детям! И тогда приглашали на помощь знахарок. Обряд снятия сглаза тоже проводился у печи. Сначала доставали три уголька, а потом чашку непитой воды. То есть той, что набрали из колодца, но никто к ней еще не прикоснулся. А дальше творился заговор: в чашку с водой бросали угольки, щепоть соли, потом произносили заветные слова да ставили на печь. Этим же средством пытались помочь больному: или спрыскивали его заговоренной водой с уголками, или давали выпить три глотка. А то, что осталось, нельзя было ни сохранить, ни просто так вылить. Выплескивали воду в строго отведенном месте – где дверной косяк располагался.

Бывало такое, что ребенок вдруг становился беспокойным, плохо спал. Без всякой на то видимой причины. «Демоны ночные мучить стали», – решали домочадцы. В этом случае убрать наваждение вызывалась сама мать малыша: вставала пораньше, засветло, шла к печи, растапливала, а потом к ее теплоте дыхания подводила малыша. «Испуг, уйди в трубу печную, – приговаривала мать, – и не возвращайся к нам больше!»

Ох, русский дом! Без печки и представить себе невозможно! И в сказках она, и в стихах, и в былинах, и в романах. Всем рядом с ней хорошо – и человеку, и домашним животным. Кошка устраивалась поближе к печке, в особо студеную пору грелись подле матушки куры и гуси. Там же просушивали одежду, там же с наслаждением вдыхали ароматы готовой еды. Царица дома, кормилица и центр вселенной для русского человека.

Глава 2. Что нам стоит дом построить?

Шумит зеленый лес-богатырь. Густой, высокий, богатый на открытия – тут и сосну встретишь, и ель, и клен, и дуб. С древнейших времен лес был главным строительным материалом для русских домов. Богатства лесные не перевелись ни от стройки, ни от корабельных проектов Петра I, ни от пожаров. До сих пор леса – наша гордость. Британия, например, от своих лесов избавилась еще в Средневековье. Роскошные дубравы, подступавшие вплотную к Лондону, вырубали нещадно. Дело в том, что в начале XIV века подобралась к острову лютая зима, да так и не выпускала его из своих объятий на протяжении нескольких столетий. Этот период в истории даже называют Малым Ледниковым. Разом вымерзли зеленые английские луга, не было всходов во Франции, погибли итальянские виноградники... Сгорели дубравы в каминных, чтобы не мерзли англичане. Высочайшим позволением, величайшей милостью одаривал король особенно приближенных лесом или перелеском. Например, в 1260 году лекарь королевы Элеоноры Прованской, итальянец Джузеппе Бариаундо, получил от государя Генриха III в личную собственность полдюжины дубов. А другой врачеватель при том же правителе, Томас Везехем, стал управляющим лесами в графстве Стаффордшир. На долгие годы забыло семейство Везехем о такой проблеме, как дрова и холод.

Оттого придумали в Европе кровати-шкафы, где можно было закрыться со всех сторон, запереться на ключ и согреться в одиночку или вдвоем. Ни крыса не залезет, ни сквозняк не помешает, ни вор не прошмыгнет. Частенько, укладываясь спать, буржуа брал с собой в шкаф кошелек с деньгами, а его супруга прятала украшения под подушкой. Очень удивляли в конце XVII века нашего государя Петра I такие европейские спальные шкафы. Тесно, душно, не повернешься лишний раз, но зато тепло! Голландская кровать-шкаф нашего императора, к слову, сохранилась до сих пор.

У нас лесов несравнимо больше, чем в Европе, – да и территории хватает. Но далеко не все деревья шли на строительство. Знал русский человек с древнейших времен, что береза красива, бела, да только быстро гниет. Рубили ее на бревна, только если ничего другого не было. Да еще пойдти отыщи ровную, стройную, как на картинах живописцев! Подходящего охвата береза обязательно вкривь пойдет.

Недолговечна и липа, так что из нее могли складывать бани, а вот дома для жизни предпочитали из другого дерева. Крепкий, надежный, практически вечный – дуб. Из него строили дома еще во времена первых Рюриковичей. Правда, срубить и обработать его было крайне сложно: плотный, что железный. А ведь продольной пилой в Средневековье у нашего мастера не было! Топор – главный помощник.

Помаяться приходилось плотнику и с лиственницей. А ведь всем хороша: крепкая, за полвека не сгниет. Из такой бы строить да строить, но ведь поди подготовь ее в достатке для сруба! Десяток раз придется топор точить, чтобы пару деревьев до ума довести. Осина стояла особняком – из нее бани да сараи хорошо получались. К тому же в христианской традиции осина – дерево с сомнительной репутацией. Якобы из нее был сделан крест для Иисуса, да и Иуда повесился на ней. В колдовских обрядах – как говорили друг дружке в деревнях – тоже применялись осиновые дровишки. Так что наш человек охотнее всего брался за сосну.

Были разные приметы во время выбора деревьев: не понравилось три дерева подряд – надо идти назад: неподходящий день для рубки. Смотрели, где растет дерево – с края леса не брали. Возле кладбищ и церквей лес считали тоже непригодным для строительства. На старые деревья даже не смотрели: вполне возможно, внутри они уже сгнили. И никто не покусился бы на лес, который кто-то самолично сажал. С деревом связывали самого человека – словно он вложил в него свою душу. Помните старую русскую поговорку, что надо построить дом, вырастить дерево, воспитать сына? Выращенное дерево означает, что человек прожил долгую

жизнь. Значит, он успел увидеть, как из тонкого прутика поднялось к небу стройное и красивое деревце, как распустились на нем листья и плоды... Очень плохой приметой считалось, если чье-то дерево внезапно погибло, вымерзло или было сражено молнией. Из уст в уста передавали в деревнях, что чья-то яблоня усохла, а за ней и сама хозяйка.

Топор оставался главным инструментом русских плотников на протяжении сотен лет. Тот, которым рубили деревья, – с лезвием узким, а вот для обработки и дальнейшего использования бревен уже брали топор с широким лезвием и называли его «потёс».

Каждый крестьянин умел обращаться с топором, ведь в любой момент могла возникнуть надобность. Кстати, профессиональных плотников часто называли «рубленниками». Потому что рубили, в прямом смысле, деревья и выстраивали из них срубы. В запасе у плотников были и тесла, и скобели, и долото...

Стройку начинали в Великий пост, а завершали на Троицу (даже была поговорка «Без Троицы дом не строится»). Первые работы не назначали на среду или пятницу.

В некоторых местностях внимательно следили за фазами луны – на полную луну якобы начинать дело лучше. И за три-четыре месяца вырастал дом. Быстро? Да. Однако на Руси такая скорость никого не удивляла, и даже некоторые храмы возводились «во един день». Назывались такие храмы «обыденными» и строили их во исполнение обета, или если надо было избавиться от какой напасти, или отблагодарить Господа за благополучное исцеление.

Стройка обыденного храма была коллективным делом, одному ведь точно не справиться! Глубокой ночью приступали к делу и трудились, практически без передышки, до самого захода солнца. Разумеется, такая конструкция могла быть только самой простой, без особенных украшений, но вкладывали в нее всю душу. Так построили, например, Спасо-Всеградский собор в Вологде, когда жители горячо молились об избавлении от чумы в 1654 году⁵. Болезнь унесла в ту пору столько жизней, что по всей Руси приносили обеты и возводили храмы.

А на выбранном для постройки жилого дома месте могли для начала зерна зарыть или даже несколько монет – все для будущего богатства. Бывали и «закладные жертвы»: отрезали голову курице, прежде чем начинали строить дом. В Суздале под жилыми постройками XI–XII веков находили даже конские черепа. На Борисоглебском раскопе в Старой Русе больше двадцати лет назад тоже находили черепа лошадей, а в Старой Ладоге под нижним венцом сруба отыскивали даже череп коровы. Наши предки пытались таким образом умилостивить злых духов. Оградить себя от их вмешательства.

Чем проще человек, тем незамысловатее был его дом. У рядового отца семейства времен княжеских распрей сруб мог стоять прямо на утоптанной земле.

Состоял он из одной комнаты, в которой непременно находилась печь. Иногда к такому незамысловатому жилищу добавлялись сени. Чтобы не выпускать теплый воздух, двери намеренно делали небольшими да еще и крайне низкими.

И тут, говорят, двойная польза: кто бы ни вошел, тот сразу поклонится. Не забудет. Иначе со всего маху лбом да в дверной проем... И плюсом – тепла будет выходить меньше. Отсюда и уверенность многих наших современников, что люди Средневековья были чуть ли не на треть ниже нас. Разумеется, рост крестьянина, жившего двести-триста лет назад, в среднем уступал

⁵ Вопреки расхожему мнению, что на Руси не было чумы, эту напасть переживали и наши предки. Одна из страшных эпидемий прихлала на 1654–1655 годы. Происхождение чумы точно неизвестно, но, предположительно, она пришла из Западной Азии и юга. Болезнь быстро распространилась на север, захватив Москву и такие города, как Казань и Торжок, Калуга и Ржев, Тула и Суздаль. Количество смертей было колоссальным, точные цифры неизвестны до сих пор.

росту людей нашего поколения, но низкие двери ставили не по высоте человека, а именно ради сохранения тепла.

«Любили православные украшать дома божии, – говорится у А. К. Толстого в «Князе Серебряном», – но зато мало заботились о наружности своих домов: жилища их почти все были выстроены прочно и просто, из сосновых или дубовых брусьев, не обшитых даже тесом, по старинной русской пословице: не красна изба углами, а красна пирогами».

Летом, когда все заняты работой, когда с утра до вечера детвора бежит по двору, не так чувствовалась скученность, перенаселенность избы. А вот зимой иногда приходилось тяжело – места мало, день короткий, а вечером никто просто так лучину жечь не даст. Натопят жарко – вроде бы и хорошо. А если в семье шесть-семь детей? Тогда и дышать уже нечем.

Поэтому со временем к избе могли добавить «прируб» – дополнительные три стены, внешняя комната. Для нее отдельной печи не возводили, но прорубали дверь из основного помещения, так что и туда тепло поступало.

Прируб всегда был дополнительной, не основной частью дома, и уступал в размерах основному.

Дома получше (да и севернее) строили с подклетью. Можно было бы провести аналогию с цокольным этажом, но это будет не совсем верно.

Подклеть – это и погреб, и хранилище всевозможного скарба, которому не находилось место в основной части дома.

Бывало, что в подклети что-то мастерили хозяева – для себя или на продажу. Там же стояли бочки с припасами, овощи, которые могли пережить зиму.

«Передняя светлая изба была устроена внутри так, как, вероятно, устроены все русские избы от Балтийского моря до берегов Великого океана: налево от дверей широкая русская печь, над самыми ставнями навешены широкие полати, около стен широкие лавки, в переднем углу небольшой стол, и только».

(Д. Н. Мамин-Сибиряк «Сестры»)

На протяжении многих веков строили преимущественно из дерева. Правильно обработанное, получавшее уход, оно могло прослужить долго. Все зависело от климата и от места, где начиналось строительство. Столбы-«стулья», так их называли в некоторых регионах, ставили под углами постройки и основными стенами так глубоко, насколько позволяла земля – до места, где она не промерзала. С их помощью и делали фундамент. Чтобы бревенчатые «стулья» не гнили, их обугливали или вымачивали в соляном растворе. Однако соль – дорогой продукт! Разбрасываться им было нельзя. На Руси из-за цены на соль даже целые бунты случались! В 1646 году из-за налога на соль стоимость этого товара так выросла, что позволить его себе могли немногие. Тогда купцы решили вообще не привозить соль, а оттого цена стала еще выше. Так что двумя годами позже вспыхнуло восстание. 12 июня, чтобы хоть немного успокоить возмущенных, государь был вынужден отсрочить сбор недоимок.

В иных областях бревна подвергали специальной обработке огнем, где-то готовили свой состав для большей прочности. Многие секреты тех средств утрачены...

Толстые прочные стены – это гарантия защиты и сохранения тепла. Поэтому стены дома делали из цельных бревен. Идеально, если в поперечнике бревно было от восьми вершков⁶, и выбирать подходящий материал выходили зимой. Считалось, что зимнее бревно – более прочное, более долговечное.

⁶ Вершок – мера длины, примерно 4,45 см. Изначально вершок – это верхняя фаланга указательного пальца.

Традиционный русский дом – четырехстенок, и только позже стали появляться шестистенки. К слову, крайне небольшие по размерам. Классическая изба – около тридцати квадратных метров, а шестистенок – в два раза больше.

А вот севернее встречался и вовсе удивительный дом-кошель, в котором одновременно могли жить сразу несколько семей. Разумеется, речь шла только о родственниках, чужие в таком доме могли появиться лишь в качестве гостей.

Самый известный из дошедших до нас «кошелей» – это дом семьи Ошевневых из Медвежьего района. Поистине огромное строение в два жилых этажа, объединяющее четыре избы и летние жилые помещения. С трех сторон вдоль дома шла огромная открытая галерея, по которой можно было легко попасть из одной части дома в другую. На самом верху – этаж-светелка. А еще у дома-кошеля огромная асимметричная крыша: короткая с одной стороны и более низкая – с другой, где располагалось большое крыльцо. Сосновые кошели – это не просто жилища, это целые города в миниатюре. На первом хозяйственном этаже располагали и припасы, и птицу, и кладовые. А все, что выше, называли «житлами» – этажами. В таком доме зима не страшна, а если разольется вокруг река, то можно неделями пережить, пока вода спадет: ведь все необходимое в этом доме есть.

Но копейная свечка в любой момент могла превратить даже огромное жилище в груды углей, поэтому с огнем обращались крайне осторожно. Горели – и не по одному разу – Москва и Владимир, Суздаль и Юрьев, Новгород, Старая Русса и Ладога. Пожарища в городах приносили больше ущерба из-за скученной жизни. В селах тоже могла пострадать целая улица, а то и квартал. Но огонь в городе, тем более крупном, мог напрочь уничтожить большую часть строений.

В Екатерининскую эпоху, в 1763 году, выгорела вся старая Тверь. Город лежал в руинах, и только повелением государыни было принято решение о его восстановлении. Екатерина II послала в Тверь еще и архитекторов. Так деревянный центр «оделся в камень».

В Твери появилась набережная, существующая и по сей день, улицы образовывали модную в XVIII столетии трехлучевую композицию, а рядом с легендарным храмом Спаса Златоверхого выстроили Путевой императорский дворец. Даже фашистская бомбежка не смогла уничтожить древний город. Восстановленный не один раз, он стоит и по сей день.

Зная, что дерево быстро воспламеняется, еще в «Русской правде», средневековом своде законов, предполагалось очень жестоко карать поджигателей. Их имущество надлежало конфисковать. Сами «геростраты» безжалостно обращались в рабство, и такая же участь должна была постигнуть членов их семей. Ведь что такое пожар в Средневековье? Это потеря абсолютно всего, всех накоплений и имущества. Если народный самосуд не успевал разобраться с виноватым, то дальнейшая участь его была незавидная. Другим в назидание.

Но только в 1472 году Иван III официально предписал строителям возводить дома на определенном расстоянии и рекомендовал к использованию камень. Этот более дорогой материал, конечно же, могли позволить себе не все. Но в городах камень стали гораздо чаще пускать в ход при строительстве, именно из-за угрозы пожаров. А вот сама пожарная служба в Москве появилась лишь в 1504 году.

...И вот уже готов сруб. Пора заняться крышей. Использовали для этого тес в несколько слоев, а поверх настилали бересту, и потом уже – солому. Если дело дошло до крыши, значит, дом практически готов. После того как строители заканчивали работу над этой частью дома, устраивали «замочку крыши», а попросту – щедро угощали и поили всех, кто был причастен к этому делу. В некоторых деревнях после укладки крыши приглашали на чарку всех желающих. Одним из традиционных блюд был во время этого пиршества «саламатник» – толокняный

пирог на масле. А после угощения на семь дней оставляли работу. Дом дожидался отделки и последних, завершающих штрихов.

Глава 3. Кто есть кто в русском доме

Громкий голос свекра буквально дышал гневом. Съежилась Ульянка, подходя к крыльцу. Бранился свекор на Арефу – значит, что-то неладно в доме. А против свекра даже сын поперек слова не скажет. Он в доме самый важный человек.

Средневековый русский мир – глубоко патриархальный. Мальчиков-сыновей ждали в первую очередь, девочки воспринимались как обуза. Да и к чему дочери, если их удел – уйти в другую семью?

*Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я.*

(Н. А. Некрасов, 1861)

Чем больше сыновей – тем крепче хозяйство. Много работников, много рук. Жить своим домом спешили не все, ведь тогда надо было наделить уходившего землей. А отец не стремился разделять свой надел на куски. Потому так

*часто под одной крышей жили несколько поколений, фактически
несколько семей: мать и отец, их взрослые дети с женами, а потом и внуки.
И так на протяжении столетий!*

В Тверском областном архиве хранятся данные о жизни крестьянина Семена Мануйлова из Вышневолоцкого уезда. В 1833 году в его доме обитали, помимо самого владельца и его супруги Авдотьи, старший вдовый сын Савелий с младенцем от первого брака, второй сын Михаил с женой Анисьей и с тремя детьми, и незамужняя дочь Мавра. Более того, вскоре вдовец привел в дом вторую жену, Евпраксию Митрофанову, которая в короткий срок родила ему еще трех отпрысков. Не хватило в этом доме места только для детей Евпраксии от покойного мужа – их отослали к деду на воспитание⁷.

Мужчина был главой рода, тем, кто вершил суд в своем доме, кто распоряжался деньгами. Полевые работы – на нем. Он решал, кто будет помощником, кто каким делом займется. Первым делом, как начинался сев, выходили в поле отцы с сыновьями, снимали обувь и обнажали голову. Женщины в ту пору занимались домом, это считалось их главной заботой. Вдовицы могли пахать в поле (об этом есть упоминание в «Русской правде»), однако замужние женщины при живых мужьях были избавлены от такого труда.

Отцы бывали строгими, даже жестокими к домочадцам. Сносить от них наказание следовало терпеливо, покорно. Старая поговорка гласила: «Отец сына не на худо учит». А покорность по отношению к старшим вообще считалась обязательной. Не было принято перечить отцу, даже заговаривать без его разрешения. Почтительность, услужливость, кротость и смирение – эти качества в детях воспитывали сызмальства. Первый кусок за обеденным столом отправлялся к отцу. Без позволения отца ни жениться, ни пойти замуж нельзя. Отец – хозяин над всеми своими детьми. Господин над женой. Неравенство положений мужчины и женщины – это очень давняя история.

Простой пример: мужчина считался согрешившим, изменившим, только если у него не просто имелась сожительница, но и появились с ней дети. В таком случае возмущенная жена могла потребовать развода (правда, средневековых документов о расторжении брака по воле жены историкам найти не удалось). Зато есть любопытная берестяная грамота, написанная

⁷ Справедливости ради в отсылке детей нет вины Евпраксии. Это решение было принято ее мужем, Савелием. А сам брак был устроен по велению их барина, поскольку и Савелий, и Евпраксия были крепостными крестьянами.

новгородкой в 1160–1180 годах – точнее не установишь. Некая Гостята жалуется на своего мужа:

«От Гостяты – к Василию. Что дал мне отец и родичи в придачу, то за ним. А теперь, женись на новой жене, мне он не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость».

Видно из этого послания XII века, что Гостята – обманутая жена. По крайней мере, обманутая в своих представлениях о справедливости. По какой-то причине муж прогнал ее, а приданое не вернул. И теперь доведенная до отчаяния женщина просит за нее заступиться. В чем причина разлада – неизвестно.

Кстати, женщина могла прослыть «прелюбодейцей» лишь по той причине, что неоднократно разговаривала с посторонним мужчиной.

«И воззрение убо грех есть» – говорит нам средневековый источник. То есть поднимать глаза на другого человека – уже нехорошо! Немыслимо было и без мужа пойти в гости – еще один повод заявить о недостойном поведении жены и потребовать развода. Запрет на такое поведение наложил еще князь Ярослав в XII веке.

Но не нужно думать, будто бы, почитая отца, дети не должны были слушаться матери. Материнское благословение, материнское слово имело огромное значение. В 1455 году митрополит Иона сетовал, что дети княгини Софьи Витовтовны «матери не повинуются». Из ряда вон выходящее событие! Мать должна была почитаться, уважение к ней – один из главных семейных принципов. В «Наставлении о детях», которое было написано в XIII веке, есть такие строки: «Почитайте мать вашу, сохраните наставления ея, учредите покой ей и довольство». Но только наказывать мать не могла – это задача отца. Он, по наущению матери, с ее слов и по ее просьбе, мог поколачивать отпрысков за различные проступки.

«Муж – голова, жена – шея», – поговорка, появившаяся не просто так. Жене ведомо то, на что муж не обращает внимания: каковы настроения внутри семьи, кто к кому как относится, где возникают конфликты и отчего. Жена направляет мужа, но только аккуратно, тихо, почти незаметно.

Правда, такая роль женщины была возможна лишь в том случае, если супруги ладили между собой. А так было далеко не всегда.

Браки на Руси на протяжении столетий – это в самой меньшей степени проявление взаимного желания или возвышенного чувства. Особенно в крестьянской среде. Браки заключали с деловой целью: для того чтобы семья приобрела хорошую работницу, помощницу, мать будущих детей. Поэтому, сватаясь к девушке, учитывали множество факторов.

Церковь не единожды уточняла, с какого возраста разрешено венчаться. В 1410 году митрополит Фотий утвердил предельный ранний срок для девиц – с 12 лет. Однако столь юными выходили замуж не все и далеко не всегда.

Более ранние браки – примета, скорее, знатных семейств. Поскольку заключали их с государственными целями, с большой экономической выгодой. Стремилась «застолбить» невесту пораньше, чтобы заключить важный союз. В крестьянской среде, где на первый план выходила другая выгода, уже упомянутая, двенадцатилетняя девочка не была желательной невестой. «Не вызревшей рябинушки нельзя заломать, не выросшей девушки нельзя замуж взять», – гласила старинная песня.

Поэтому-то так рано в селах выходили замуж по какой-то важной причине: надо было пристроить сироту, оставшуюся без родителей. Или девушка вошла в семью, заметно превос-

ходящую ее собственную по положению. Или – опять же – стремились заполучить завидную невесту пораньше. Трудно установить средний возраст по всей огромной России, но 16–18 лет были самыми обычными для вступления в брак. А вот после 22–25 уже старались сбыть невесту как засидевшуюся. И тут уже не особенно разбирались, каков жених. Главное – пристроить.

Не всегда и не везде девство будущей супруги играло первостепенную роль. Скорее, о необходимости добрачного целомудрия говорили после усиления роли церкви.

Во многих частях нашей необъятной родины парни и девушки вели совсем не невинную жизнь до тех пор, пока не сочетались браком. «Чей бы бычок не скакал, а теленочек наш», – так нередко говорили о рождении ребенка у незамужней. В других губерниях девственность девушки была необходимой ценностью, и при подтвержденном факте ее нарушения «добрые соседи» могли обмазать дегтем ворота ее дома. Или протянуть на свадьбе родителям «замаранной» невесты чашку без дна. Позорно, да еще и прилюдно отмечено! Бывали такие случаи, но назвать их общепринятыми язык не повернется. Так и обычай вывешивания простыни после свадьбы – далеко не повсеместная традиция.

Но прежде – сговоры, смотрины, сваты. Оценивали невесту и по внешнему виду: хилые, тонкие, болезненные, с бесплодными родственниками в роду большим успехом не пользовались. «Выбирай корову по рогам, а деву по родам», –

говорили в Архангельской губернии. Дескать, если у самой девицы много братьев и сестер, она и сама вряд ли окажется «пустоцветом». Правда, и тут бывали осечки. В 1505 году великий князь Василий III взял в жены девицу Соломонию Сабурову из дворянского рода, потомков татарского мурзы. Была у Соломонии сестра и четыре брата, да еще четверо дядьев. Однако за двадцать лет брака Соломония Сабурова так и не смогла подарить великому князю наследника. Бесплодной оказалась и ее сестра, вышедшая замуж за князя Стародубского.

Несмотря на протесты церкви, Василий III насильно постриг супругу в монастырь и женился повторно. В том новом браке на свет появился знаменитый царь и великий князь Иван IV Грозный...

Невеста – это будущая работница и мать. Должна крепко стоять на ногах и суметь выносить многочисленное потомство. Репутация семьи тоже имела значение. Иноверцы, склочники, должники, нарушители данного слова могли долго пристраивать дочерей. С такой семьей родниться не спешили. Если девушка была иной веры – следовало принять православие. Если кто-то из семейства постоянно затевал конфликт, спорил с соседями, сутяжничал без конца, то к девушке из этого рода очередь не выстраивалась. Невеста должна быть покорной. Ей еще служить мужу и его родителям.

Только все это не означало, что муж и жена не должны были любить друг друга. Но церковь в первую очередь учила жену подчиняться мужу. А мужа – уважать и защищать жену. Даже само слово «супруги» имеет вполне понятную ассоциацию. Как две лошади в одной упряжке. Запряжены, чтобы везти за собой детей, внуков, бедную родню, которая постучалась в дом за помощью.

С древних времен повелось, что судьбу детей решали родители. Присматривали женихов, подыскивали невест. Но в XIX веке уже нередко случалось, что сами молодые делали свой выбор.

«В Олонецкой губернии замуж идут зачастую по любви, – писал в 1877 году этнограф Алексей Смирнов. – Молодцы и молодницы знакомятся на беседах, пастбищах, потом играют и пляшут вместе».

Если дочку считали еще слишком молодой для брака, родители могли вмешаться: подожди, дескать, годок-другой. В этом случае предполагаемому жениху предлагали компромиссное решение: пусть наречется! Это означало, что всей округе, всему селу будет сказано: вот появилась невеста. И вот ее будущий супруг. Отныне они связаны, пусть и не брачными узами, но наречением. А когда придет срок, то пойдут молодые под венец. В знак своего согласия девушка могла сделать для нареченного небольшой, ни к чему не обязывающий дар – платок, кушак, что-то, что она сделала сама или вышивала долгими вечерами.

Вся деревня отныне получала сигнал: девушка – уже невеста.

«Гриня с Настасьей занимается», – говорили в этом случае в Вологодском и Тотемском уездах. То есть приходит в гости, получает право позвать девушку на прогулку, на всех праздниках обязательно идет танцевать только с ней.

Заниматься можно было лишь с полного одобрения родни. От момента, когда попросили руки условной Настасьи или Аграфены, до церковного венчания могло пройти от года до трех. Редко ждали дольше – годы-то идут!

Но и за это непродолжительное время все могло перемениться. Например, девушка по какой-то причине передумала, встретила другого (или родитель подобрал партию повыгоднее). Случалось, что жених мог вызвать обиду – не пригласил на вечер, встречал и провожал другую девушку, не свою нареченную. Тогда «занятие» прекращалось. И снова Настасья была свободной и к ней мог посвататься любой парень на селе.

В Псковской губернии сказывали по-другому: «Дивит Матрена с Антипкой». Это значит, что девушка одобряет ухаживания, ее семья согласна с перспективой выдать ее замуж за Антипку.

«Дивить» – практически то же самое, что и «заниматься». Родня с того момента держала в уме, что вот-вот могут начаться приготовления к свадьбе.

А соседи и друзья понимающе кивали, если женщина говорила о дочери: «Матрена-то моя дивит!» То есть суженый уже известен, семья к нему относится с одобрением и просто отложила венчание на потом.

Если веком раньше молодые могли и не знать друг друга до свадьбы, встретиться только у алтаря, то в XIX веке уже считали иначе: надо бы сначала познакомиться да и прояснить, что за человек. Особенно если он приехал из чужого края. Специально отправлялись выяснить, нет ли в семье жениха больных или бесплодных, склочных или обремененных долгами. Свадьбы, опять же, старались устраивать на Красную горку или осенью, до Покрова, так что если предложение поступило в другое время, то откладывали венчание и по этой причине. Бывало, родня невесты хотела как следует подготовиться, приданого подобрать, чтобы девушка отправлялась в чужой дом не с пустыми руками. Или в семье кто-то умирал, и хотели выждать срок траура.

В Московской губернии говорили иначе: те, кто нравился друг другу, назывались «почетник» и «почетница». «Почетник» старался изо всех сил, чтобы превратиться в настоящего жениха.

Потому что в Московской губернии это «звание» не давало никаких особых преимуществ: почетник – это не тот, с кем уже дело улажено. Его положение шаткое, потому что он всего лишь кандидат в женихи, один из многих. У местной красавицы почетников могло быть и пять, и шесть. Все ухаживали, проявляли себя с самой лучшей стороны, стремились показать себя. Чем больше крутится возле дома почетников – тем спокойнее на душе у родителей невесты. Значит, кровиночка не останется одна! Значит, можно не особенно беспокоиться о приданом – такую девушку с руками отрывают. А коли в семье подрастали несколько дочерей,

то быстро устроенное счастье старшей практически всегда гарантировало, что и младшие не засидятся.

Иногда «заниматься» или «дивиться» начинали и с легкой руки родителей: сговорились две семьи стать родственниками, а дети друг к другу относятся прохладно. Тогда потихоньку подталкивали молодых, подсказывали, как себя вести. Подстраивали, чтобы на праздник поехали вместе. Чтобы проводить девушку до дома отправился нужный кавалер. Чаще всего это срабатывало. Понимая, что родители все равно будут настаивать, шли под венец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.